

Диалектные словари, будучи неотъемлемой частью русского лексикографического корпуса, остаются весьма специфической его областью, что обусловлено в первую очередь особенностями той социальной и территориальной среды, которую они отражают.

Примечания

1. *Калиткина Г. В.* Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (Статья 2) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 294. С. 17–23.

2. *Подюков И. А.* Семантика вероятностного типа фразеологии народно-разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1992. С. 41–49.

Н. С. Болотнова

г. Томск

О СВЯЗИ ТЕОРИИ РЕГУЛЯТИВНОСТИ ТЕКСТА И ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Особую значимость для современной семантики и лингвистики в целом имеет разработка коммуникативной теории текста, включая коммуникативную стилистику, которая изучает индивидуальный стиль языковой личности, проявляющей себя в текстовой деятельности. Одно из направлений коммуникативной стилистики текста связано с теорией регулятивности, которая сформировалась в 90-е гг. на основе теории речевой деятельности и связи с прагматикой и психолингвистикой [1, 2, 3].

Регулятивность вслед за Е. В. Сидоровым [4] трактуется как системное качество текста, заключающееся в его способности «управлять» познавательной деятельностью читателя. В рамках макроструктуры текста, выполняющего среди других функций и *регулятивную*, выделяются *способы регулятивности*, т. е. принципы организации различных текстовых микроструктур, регулирующих процесс восприятия речевого произведения адресатом на основе соотнесенности с общей целевой программой текста и спецификой канала связи. Поскольку «за каждым высказыванием стоит волевая задача» (Л. С. Выготский), которая соответствует одному из этапов текстового развертывания, в основу дифференциации *регулятивных структур (регулятивов)* в

теории регулятивности положено осознание читателем мотива (микроцели) в рамках общей коммуникативной стратегии автора. На уровне элементов текста на основе их способности выполнять регулятивную функцию выделяются различные виды *регулятивных средств*. По объему, структуре, значимости и смыслу они могут быть нетождественными единицам узуса, так как являются порождением конкретной текстовой системы, отражающей авторское мировидение, интенцию творца. С помощью регулятивных средств выполняются различные психологические операции в процессе интерпретационной деятельности читателя. Регулятивные средства являются сигналами, которые стимулируют психологические импульсы, вызывающие «лирические эмоции» и актуализирующие определенные кванты знания в сознании адресата. Выбор автором регулятивных средств и способов регулятивности обусловлен *регулятивной стратегией текста*, которая определяет эффективность творческого диалога автора и адресата. Формирующиеся на основе регулятивных средств *регулятивные структуры* позволяют свернуть полученную информацию в модели сознания (фреймы). Их связь в процессе текстового развертывания на основе характерного для него *способа регулятивности*, мобилизации информационного тезауруса читателя и осознания им коммуникативной стратегии автора формирует *смысловой и прагматический эффект* текста.

Что объединяет *теорию регулятивности* с разрабатываемой И. А. Стерниным *теорией речевого воздействия* как наукой «о выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта» [5]? Во-первых, обе теории ориентированы на междисциплинарность, имеют интегральный характер, хотя теория речевого воздействия не опирается на теорию текста и функциональную стилистику, которые значимы для теории регулятивности. Во-вторых, данные теории объединяет ориентация на эффективность речевого общения, которое, однако, понимается по-разному: в теории регулятивности эффективное общение — это гармоничное сотворчество автора и адресата, эмоциональное и интеллектуальное; в теории речевого воздействия — это достижение деловых целей [6]. Возможно,

это связано с тем, что в интегральную науку о речевом воздействии автор включает только *риторику* как науку об эффективной публичной речи, *деловое общение и рекламу*. Теория же регулятивности носит более универсальный характер, распространяясь на разные виды текстовой деятельности в разных сферах общения с учетом не только стилистического узуса, но и определенных текстовых параметров, на которые ориентирован каждый конкретный диалог автора и адресата, осуществляемый на основе текста. В связи с этим перечень необходимых для достижения целей значительно расширяется, включая такие, как: эмоциональная, экспрессивная, эстетическая, гедонистическая, воспитательная и т. д.

Различие, таким образом, обусловлено тем, что, во-первых, у данных теорий разный спектр действия (сфера применения) — более широкая у теории регулятивности. Во-вторых, у них разная теоретическая база: теория регулятивности опирается прежде всего на современную теорию текста, теория речевого воздействия — на риторику, имеет логическую и психологическую основу. Различен и понятийно-терминологический аппарат: в теории речевого воздействия выделяются *способы речевого воздействия*, к которым И. А. Стерниным отнесены: *доказывание, убеждение, уговаривание, внушение, принуждение* [7]. С точки зрения теории коммуникации это, скорее, речевые тактики. В теории регулятивности коррелирующий со способом речевого воздействия *способ регулятивности* трактуется несколько иначе и соотносится с *типами выдвижения* в тексте как форме коммуникации. Среди способов речевого воздействия И. А. Стернин выделяет *вербальные / невербальные* (сравним соотносительное с этим выделение в теории регулятивности *лингвистических и экстралингвистических регулятивных средств* (последние трактуются иначе с учетом особенностей текста)).

Теория речевого воздействия, разрабатываемая И. А. Стерниным, включает ряд понятий, взятых из теории речевой коммуникации: *коммуникативная позиция говорящего, социальная роль, нормативные правила речевого общения* (правила речевого этикета) и *правила речевого воздействия* («характеризуют способы эффективного воздействия на собеседника в различных коммуникативных ситуациях» [8]; *прием общения* («конкретная рекомендация по языковому или поведенческому выполнению

того или иного коммуникативного правила») [Там же]; *законы* (например, *закон зеркального развития общения, закон доверия к простым словам* и т. д.). Ключевые понятия теории речевого воздействия частично пересекаются с *факторами текстообразования*, разработанными в теории текста, а также с *условиями гармонизации речевого общения* и с выделенными в коммуникативной стилистике текста для эстетической сферы общения *коммуникативными универсалиями* [9]. Вместе с тем в теорию речевого воздействия не включены такие значимые для речевого воздействия параметры, как *жанр* и *стиль*, играющие ключевую роль в регулятивности текста.

Таким образом, теория регулятивности и теория речевого воздействия имеют общность и различие. Для формирующейся *теории речевого воздействия* значима *теория регулятивности* текста. Это связано с тем, что речевое общение в целом и речевое воздействие в частности осуществляются на основе текстовой деятельности, на которую ориентирована теория регулятивности.

Примечания

1. *Болотнова Н. С.* О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*, 1998. Opole, 1998. Вып. 7. С. 179–189.

2. *Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др.* Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001. 331 с.

3. *Болотнова Н. С.* Регулятивность // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 328–331.

4. *Сидоров Е. В.* Проблемы речевой системности. М., 1987. С. 44–45.

5. *Стернин И. А.* Речевое воздействие как наука. 2002 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: // http://www.comch.ru/~rpr/sternin/articles_rus.html. С. 6.

6. Там же. С. 3.

7. Там же. С. 6.

8. Там же. С. 9.

9. *Болотнова Н. С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992. С. 49–54; *Она же.* Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста. СПб., 1992. 56 с.; *Она же.* Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. 1992. № 4. С. 75–87.